

## УРАЛ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(470.5)

К. И. Зубков<sup>1</sup>

### УРАЛ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА XVI–XVIII вв.: ОТ ПРОСТРАНСТВА К РЕГИОНУ<sup>2</sup>

**Ключевые слова:** Урал; колонизация; Российское государство; пространство; территория; регион.

**Аннотация:** в статье ранние этапы развития Урала в составе Российского государства анализируются сквозь призму эволюции форм исторического пространства. Выявляются причины и факторы, обусловившие ранние — опережающие эволюционный тренд — процессы регионообразования на Урале.

K. Zubkov

### THE URALS AS A PART OF THE RUSSIAN STATE OF THE 15<sup>TH</sup> – 18<sup>TH</sup> CENTURIES: FROM SPACE TO REGION

**Key words:** the Urals; colonization; Russian state; space; territory; region.

The article analyses the early phases of development of the Urals as a part the Russian state by placing them into the general line of evolving the historical spatial forms. Great attention is paid to causes and factors which conditioned the early – even outstripping the general evolutionary trend – processes of region-formation in the Urals.

Как в свое время Ф. Бродель, субстанциально связав время со скоростью социальных изменений, обосновал понятие *темпоральности* как выражения качественной неоднородности исторического времени [2, 20–21], так и анализ пространственного развития не может сводиться только к определению его количественной меры (например, расширения или сокращения во времени пространственного ареала какого-либо явления). Если физическое пространство можно мыслить абстрактно, как

<sup>1</sup> Зубков Константин Иванович — к.и.н., Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Россия, Екатеринбург).

E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com.

Zubkov Konstantin — Institute of History and Archaeology, the Urals' Branch, Russian Academy of Sciences (Russia, Ekaterinburg).

<sup>2</sup> Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума АН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект «Урал в системе российской цивилизации: геоэкономические, институционально-политические, социокультурные традиции и трансформации (теоретико-методологические подходы к изучению)».

чистую протяженность, то историческое пространство всегда *телесно* немислимо вне социальной субстанции, которая его заполняет – а потому оно так же разнокачественно, как и время. Жизненная сила цивилизации может проявляться в динамике пространственного расширения ареала, но ступени ее прогресса всегда запечатлеваются в качественных трансформациях подчиняемого ею пространства.

Последовательное расширение Российского государства на восток совпадающее не только по времени, но и сущностно с самим его становлением, в наибольшей степени может быть отождествлено с чистым типом колонизации, т.е. процессом заселения и освоения вновь присоединяемых земель, минимально осложненным возмущающими воздействиями – встречными притязаниями других государств или организованным туземным сопротивлением такой силы, которая могла вызвать длительную остановку или поставить под сомнение цивилизационное превосходство России. В силу этого, восточный вектор российской колонизации, возможно, доставляет наилучшую возможность увидеть последовательную связь приращения государственной территории с гораздо более длительным по времени упорядочением и обустройством отдельных частей в качестве структурно-функциональных компонентов разрабатываемой в пространстве административной и социально-экономической системы – *регионов*.

Оговоримся лишь, что эту последовательность нельзя преувеличивать, а тем более абсолютизировать. Одной из особенностей российской истории всегда являлся известный диссонанс между детерминируемыми свойствами природной среды необъятно широким, *a priori* «имперским» горизонтом политического единства и органическим порядком развития государственной территории, при котором находящиеся в распоряжении власти средства коммуникации и контроля растут лишь соразмерно адекватной связности социума. Этот диссонанс можно мыслить как известное доминирование политики над экономикой, из чего следовала откровенно конструктивистская «свобода» государства в организации и форсировании социально-экономических процессов – в первую очередь, на вновь присоединяемых землях. Этот фактор, несомненно, должен учитываться в общей логике периодизации пространственного развития востока России и, в первую очередь, Урала.

В целом история Урала в составе Российского государства (XVI–XX вв.) вписывается в эволюционный порядок развития социального пространства, который сводится к превращению колонизируемого пространства сначала в *территорию*, а затем территории – в *регион*.

**Пространство** в контексте этой типологии – это не только физическая протяженность (как основа существования материального и социального мира), но и заполняющая каждый ее фрагмент примордиальная *реда*, созданная силами природы и *предшествующей* социальной деятельности. В социальном смысле это «пространство-среда» не бескачественно и даже очень насыщено, но все его качества с позиции колонизатора – это пока лишь с трудом обозреваемая сумма *предпосылок* для той социальной деятельности, которая обнимается понятием «освоение». Приведенное в начальной части Есиповской летописи восторженное описание девственных лесов Урала, сбегających с его склонов многочисленных рек, поражающего воображение разнообразия животного и растительного мира [8, с. 44] – это характерная модель восприятия вновь колонизируемого «пространства-среды». И в то же время во всем своем богатстве оно еще воспринимается как «пустое». Семантика термина «освоение» незримо, но жестко разделяет «пространство-среду» и последующие ступени его преобразования. Так, дарованные Строгановым в 1558 г. прикамские «места пустые» объявлялись таковыми именно потому, что «... прежд деи сего на том месте пашни не пахиваны и дворы деи не ставвали, и в мою деи цареву и великого князя казну с того места пошлина никакая не бывала, и ныне не отданы никому, и в писцовых де книгах и в купчих и в правежных то место не написано ни у кого» [6, с. 325]. «Пространство-среда» еще не имеет четких границ – как не имеет фиксированных границ свободное течение природных процессов. Характерно, что в той же жалованной грамоте 1558 г. границы будущей строгановской «вотчины» вовсе не фиксировались – указывались лишь, с опорой на речные ориентиры, *направления* хозяйственной экспансии [6, с. 326].

**Территория** – это пространство, начинающее обретать границы. Один из крупнейших современных социальных географов, автор широко известной концепции *территориальности* Р. Сэк считает территории не столько природными феноменами, сколько *социальными конструктами*, служащими «географическим выражением» отношений власти и обладания. Сэк придает территориальности преимущественно политический смысл, связывая формирование территорий с сознательно принимаемыми *стратегиями контроля* над материальными объектами, людьми и их отношениями [10, с. 5]. Не отрицая всеобщей регулятивной роли политики в процессе территориализации, укажем все же на известную ограниченность этой точки зрения. На «пустых» колонизируемых пространствах свойство граничности, скорее, возникает не в связи

с политическими притязаниями, а в соответствии с эмпирически устанавливающимися *границами деятельности* – тогда, когда освоитель начинает соизмерять пространственный горизонт своих инструментальных возможностей с полнотой присвоения тех или иных полезных свойств «пространства-среды». В этом случае первичными регуляторами, организующими территорию и устанавливающими ее границы, становятся не столько средства политического контроля, сколько значимые для хозяйственной деятельности и расселения критерии близости или удаленности.

Границы территории приблизительны и условны настолько, насколько они обусловлены избирательностью и узостью ее первоначального использования, сведены к ограниченному числу социальных измерений. На этой стадии эволюции потенциал «пространства-среды» еще неизмеримо богаче и разнообразнее, чем уже определившиеся функциональные векторы развития *территориальности*, и непрерывно совершаемое перемещение ресурсов из «среды» в сферу функциональности, по-видимому, и составляет процесс становления и бытия территории. По существу, территория может рассматриваться как объект ограниченной ресурсной эксплуатации пространства, чаще всего – простой, или первичной, апроприации его природных богатств. Освоение на этом этапе часто сводится к *оптимизации* какой-то одной или от силы двух–трех полезных функций. По этому признаку, более или менее определившейся территорией, несомненно, можно считать Сибирь конца XVI – начале XVIII вв. То, что ее освоение, как и управление ее огромной территорией, протянувшейся от Волги до Тихого океана, было подчинено практически одной функции – организации добычи пушнины и регулярного поступления в казну ясака, пронизательно замечал еще Г.К. Котошихин [7, с. 84]. Для этой цели, в сущности, поддерживалась в Сибири и вся опорная сеть ее городов и острогов с военно-служилым населением. Все остальные хозяйственные и административные функции носили подсобный, а потому неразвитый характер. Это в известной степени объясняет, почему на фоне уже довольно далеко зашедшей (хотя и формирующейся *ad hoc*) дифференциации управления дворцовым, а затем и государственным хозяйством Сибирь управлялась *территориальными приказами* (Казанского дворца, а затем Сибирским) – то есть, по существу, как *отрасль*. Необъятности и подвижности тогдашних границ Сибири соответствовала слабая упорядоченность ее внутреннего административного устройства, о чем можно судить по частым для первой половины XVII в. столкновениям административной юрисдикции сибирских городов

по поводу контроля над территориями ясачных сборов [1, с. 116–117]. В это эпоху Урал еще никак не вычленяется из состава громадной территории Сибири – кроме разве того, что наиболее выразительной, хотя и исключительно вспомогательной, его функцией являлось обеспечение русско-сибирского транзита. Хотя в представлениях того времени Урал не наделялся безусловными атрибутами границы между Россией и колонизируемой территорией Сибири и воспринимался скорее как *внутренний сегмент* последней, именно он, по естественным условиям местности, оказался предназначен к тому, чтобы здесь локализовались пункты контроля над путями перемещения товаров и людей между Россией и Сибирью. Если Сибирь можно было уподобить огромному мешку с пушными сокровищами, то Верхотурская таможня, несомненно, являлась сужающейся горловиной этого мешка.

В этом можно видеть проявление не только объективных дифференцирующих свойств географии Урала, но и пластичности «странствующей территориальности», о которой пишут Ж. Делез и Ф. Гваттари, подчеркивая, что сегментация пространства на территории зависит от «сегментации в действии, осуществляемой посредством прорывов, разъединений, воссоединений» [3, с. 342]. Иначе говоря, пластичный, подвижный характер территории определяется динамичностью и конфигуративной гибкостью той деятельности, которая лежит в основе возникающего свойства территориальности. Если отмечавшаяся всей отечественной историографией относительная легкость и незаметность перехода русской колонизации через Уральские горы [4, с. 22–23] оставляла Урал, фактически, неразличимым в общем массиве начинавшейся за Волгой огромной *промысловой* территории Сибири, то установленный правительством особый регламент управления Сибирью как *таможенной* территорией сообщал ему свойства границы между освоенной и еще только колонизируемой частями страны. Возможно, в этом следует видеть уже элементарную завязку нового качества пространственного развития – *региональности*, поскольку, по общему правилу, чем больше наложений различных признаков территориальности группируется в каком-либо месте, тем больше вероятность возникновения здесь более сложных узловых эффектов.

В соответствии с логикой общеисторического развития, превращение территории в *регион* происходит на следующем этапе освоения, когда системное давление извне, а отчасти и ход эволюции самой территории, стимулируют возникновение в ее пределах более сложной *производственной функции*, которая требует уже не простого присвоения ресур-

са, но и соединения различных природно-материальных, социальных, технологических и культурных факторов с целью фабрикации определенного *продукта*. Эта «сборка» становится зародышем внутреннего системного строения, которое, прогрессируя, и превращает территорию в регион. Системная организация разнообразных факторов производства и порождаемые ею эффекты регулярных социальных взаимодействий, в сущности, и выступают важнейшим критерием *региональности* как качественно нового (по сравнению с территориальностью) этапа эволюции пространства. Благодаря устойчивости образующих его системных связей, регион как бы «кристаллизует» подвижный ареал территории, стабилизирует его множасимися функциональными проекциями.

Урал петровской эпохи (первая четверть XVIII в.) – а спустя два-три десятилетия и Алтай – это уже, несомненно, быстро формирующиеся *регионы*, в основе возникновения которых лежала усложняющаяся территориальная организация производственной функции, потребовавшая и создания особых систем управления [5; 9]. Эта активная фаза формирования Уральского региона продолжается практически весь XVIII в., находя отражение и в расширении ареала горнозаводской промышленности (фактически, до современных границ индустриальной части Урала), и в динамике показателей прироста производства, и в постепенном закреплении соответствующей региональной идентификации – самого названия «Урал». Вместе с этим возрастало органичное единство *внешних* и *внутренних* регионообразующих связей: определившаяся производственная функция, ускоряя внутреннюю системную организацию территории, в то же время более прочно интегрировала ее в общую системную организацию государства.

Регион является чрезвычайно сложной формой организации пространства, которая вырастает или вычленяется из территории на основе сложноорганизованной, полифункциональной и, как правило, стационарной системы утилизации ее ресурсов. Исходный и самый широкий детерминационный базис складывания региона, несомненно, образуют *естественно-природные предпосылки*, располагающие к определенным видам хозяйственной деятельности и определяющие такой значимый критерий региональности, как *ареальная однородность*. Однако размеры, очертания, содержательные характеристики и – главное – системную связность конкретного региона, в конечном счете, формируют пространственно-зависимые *социальные факторы* – технологические схемы организации производства и коммуникаций, сопрягаемые с ними трудовые циклы и модели расселения, способы управления и т.п.

Представляя ранний вариант регионообразования, связанный со становлением протоиндустриального уклада, формировавшаяся в рамках горнозаводского Урала региональная система не могла не обнаруживать достаточно сложный тип комбинирования естественно-природных и социально-институциональных факторов организации производства, что отчетливо просматривалось в особенностях ее таксономического построения: макроуровень (горное управление) – мезоуровень (горный округ) – микроуровень (заводоуправление). В логике становления этой многоуровневой системы хорошо видно, что ее недостатки и слабости, обусловленные зависимостью от природно-географических условий разветвления горно-металлургического производства (отсутствие центрированности; распыленный, «кустовой» характер размещения основного и вспомогательного производств; слабость проявления узловых эффектов, способствующих диверсификации производства), удачно компенсировались особой социально-институциональной организацией. Исторический контекст становления последней определяла хозяйственная философия камерализма, в которой примат государственной пользы был неразрывно связан с идеалом всесторонне обеспеченной, самодостаточной и замкнутой организации хозяйства. Хотя горнозаводская система не охватывала всего многообразия социально-хозяйственных форм, спонтанно зарождавшихся на территории (особенно на периферии), именно она, несомненно, представляла собой устойчивый каркас формирования региона, поскольку воспроизводила прототип универсальной системы социального воспроизводства, основанной на тесном взаимодействии экономических, социальных, политических и культурных факторов.

То огромное значение, которое социально-институциональные (в частности, политико-управленческие) факторы играли в становлении Урала как региональной системы, заставляет поставить вопрос о том, как этот процесс соотносился с общей (по крайней мере, характерной для России) логикой эволюции форм исторического пространства. В целом, как мы выяснили, траектория развития Урала в XVI–XVIII вв. не нарушает общей последовательности эволюции пространственных форм. Однако она же со всей очевидностью обнаруживает, что уникальные природные богатства Урала вызывали к жизни ускоренные, по историческим меркам, весьма ранние и опережавшие естественный ход эволюции процессы регионообразования. Нам уже приходилось писать о том, что признаки складывания многоотраслевого регионально-хозяйственного комплекса уже во второй половине XVI в. отчетливо обнаруживаются в политике Строгановых, стремившихся распространить

свои имущественные права на соседние с Прикамьем сибирские земли [4, с. 22–23] Эта предполагаемая ими «достройка» своей «вотчины» (тогда еще в реальности – кортомного, по сути, посессионного владения) за счет зауральских земель была попыткой не только расширить владения и сформировать защитный плацис против враждебных нападений из-за Урала, но и существенно диверсифицировать структуру своего базировавшегося на соляных промыслах хозяйства доступом к разработке горных богатств (включая добычу руд и выплавку металлов). Такое видение перспективы едва ли не в решающей степени обуславливалось беспрецедентной для той эпохи полнотой совмещения в руках Строгановых промышленной деятельности и общего управления территорией, на которой она велась.

Формирование горнозаводской экономики Урала в период петровских преобразований, по существу, следует считать уже вторым – не в пример более масштабным, имевшим колоссальные и необратимые исторические последствия – фазисом регионообразования. Этот форсированный, ускоренный всей мощью абсолютистского государства и обеспечиваемый особым режимом управления процесс регионообразования, неся в себе черты модернизационного прорыва, резко выделял Урал в общем экономическом ландшафте востока России, сообщая его развитию – по этой же причине – относительно замкнутый, образно говоря, «островной» характер.

#### Библиография

1. Андреевич В. К. История Сибири. Ч. 1. Период с древнейших времен до установления главенства города Тобольска и основания Иркутского острога. — СПб.: Тип. и литогр. В.В. Комарова, 1889. — 220 с.
2. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. — Ч. 1: Роль среды / Пер. с фр. М.А. Юсима. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 496 с.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Пер. с франц. и послесл. Я. И. Свирского; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. — Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. — 895 с.
4. Зубков К. И. Идея Урала в преломлении исторической геополитики // Уральский исторический вестник. — 2013. — № 1 (38). — С. 22–27.
5. Кабинетская модель управления хозяйством и эксплуатации природных ресурсов Алтая в XVIII — начале XX в.: сб. науч. ст. / Отв. ред. Т.Н. Соболева. — Барнаул: АЗБУКА, 2013. — 202 с.
6. Миллер Г. Ф. История Сибири. — Изд. 2-е, дополн. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. — Т. I. — 630 с.
7. Московия и Европа / Г. К. Котошихин. П. Гордон. Я. Стрейс. Царь Алексей Михайлович. — М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. — 624 с.

8. Полное собрание русских летописей. — Т. 36: Сибирские летописи. — Ч. 1: Группа Есиповской летописи / Отв. ред. А. П. Окладников, Б. А. Рыбаков. — М.: Наука, 1987. — 382 с.
9. Территориально-экономическое управление в России XVIII — начала XX века: Уральское горное управление / К. И. Зубков, Н. С. Корепанов, И. В. Побережников, Е. С. Тулисов; [отв. ред. И. В. Побережников]; Ин-т истории и археологии УрО РАН; НОУВПО Гуманитарный университет. — М.: Наука, 2008. — 355 с.
10. Sack R. D. Human Territoriality. Its theory and history. — Cambridge: Cambridge University Press, 1986. — 256 pp.

УДК 94(470.5)

И. В. Побережников<sup>1</sup>

## УРАЛ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНА<sup>2</sup>

**Ключевые слова:** Урал; регион; административная практика; территориально-административное деление; районирование.

**Аннотация:** в статье проанализированы факторы и этапы формирования уральского региона в составе Российского государства в XVIII—XIX вв. Основное внимание уделено административным практикам, которые резюмировались в схемах административно-территориального устройства, и опытам научного районирования.

I. Poberezhnikov

## THE URALS IN RUSSIAN HISTORY: REGION FORMATION

**Key words:** the Urals; region; administrative practice; territorially-administrative division; division into districts.

The article analyses the factors and the stages of formation of the Ural region as a part of the Russian state in the XVIII—XIX centuries. Great attention is paid to administrative practices which were summarized in schemes of the administrative-territorial device, and to experiences of scientific division into districts.

<sup>1</sup> Побережников Игорь Васильевич — д.и.н., Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Россия, Екатеринбург).

E-mail: pober@r66.ru.

Poberezhnikov Igor — Institute for History and Archaeology, the Urals' Branch, Russian Academy of Sciences.

<sup>2</sup> Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект «Урал в контексте российской цивилизации: геоэкономические, институционально-политические, социокультурные традиции и трансформации (теоретико-методологические подходы к изучению)».